

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО МОЛДАВСКИХ ЖЕНЩИН
(XIV-XVII ВВ)
КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Лилия Заболотная

ABSTRACT: Лилия Заболотная, *Наследственное право молдавских женщин (XIV-XVII вв). Компаративное исследование (The Law of succession concerning Moldavian women in the 14th-17th centuries: A Comparative study)*.

Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XX, Poznań 2013, Wydawnictwo Instytutu Historii UAM, pp. 65-84, ISBN 978-83-63047-36-1, ISSN 0239-4278. Russian text with a summary in English.

Лилия Заболотная, Институт Истории АН Молдовы.

Положение женщины в обществе не может быть достаточно освещено без исследования имущественно-правовой сферы. Эта проблема связана не только с историей развития права в целом и семейного в частности, но и помогает найти ответы на такие важнейшие вопросы, как широта имущественных прав, экономическое положение и социальная самостоятельность женщин, а так же истоки неравноправия женщины в обществе, вытекающие из соотношения правового поля (писанных и неписанных законов) и реального положения женщин.

Помимо этого, имущественное состояние женщин являлось гарантом их правового статуса в семье и в обществе. Общественное положение женщины зависело не только от ее происхождения, но и от ее имущественного положения. Владение и администрирование собственным имуществом давало женщинам возможность экономической самостоятельности и социальной активности.

Отмечая предложенную тему и период, в первую очередь, хотелось бы отметить некоторые специфические особенности средневековой Молдовы. Прежде всего, отметим, что появление Молдовы как государства на политической карте Европы относится довольно к позднему периоду - к концу XIV в., когда в европейских странах вот-вот должен был завершиться период „высокого средневековья“ и начаться уже Новое время. Однако, даже при столь большем временном разрыве, эволюция и развитие правовой системы молдавского средневекового государства имела ряд отличительных особенностей не характерных для передо-

вых европейских государств. Средневековье – время многообразных государственно-правовых процессов. В странах Западной Европы правовая система развивалась и имела свои традиции. Важной чертой этого процесса в Молдавском княжестве было отсутствие писаного права (до середины XVII в.), что во многом определило особенность национально-государственной истории.

В Молдове в то время шло быстрое формирование основных институтов власти, определилась территориальная и административная инфраструктура. Как государственная религия утвердилось православие, повлиявшее на формирование национальной идентичности, но и – в весьма сильной степени – на эволюцию и развитие правовой системы, весьма отличной от соседних европейских государств. Среди этих отличий, прежде всего, отметим господство обычного права – кутума (*jus valachicum*). Первый свод законодательных актов „Уложение Василия Лупу“ был составлен лишь в 1646 г.

Другой особенностью, законодательной системы было то, что в юриспруденции существенно проявлялось византийское наследие, особенно в более поздний период, в 17-18 вв.

Третья особенность заключается в том, что при двух первых показателях несовершенства и незрелости юридической системы, Молдова в некоторых правовых положениях опережала развитые европейские страны, с богатыми правовыми традициями. Документальный материал эпохи свидетельствует о довольно независимом имущественно-правовом положении молдаванок (высших социальных слоев) в семье и обществе: в Молдове право на наследование принадлежало дочерям и сыновьям равнозначно, женщины имели право как на движимое, так и недвижимое имущество, при заключении брака женщина оставалась собственницей своего имущества, принесенного в семью в виде приданного или приобретенного в процессе брака, приданное было ее независимой собственностью и т.д. Особую значимость имеет то, что такое относительно независимое положение женщины в Молдове объяснялось исторически сложившейся юридической базой государства, как в обычном праве, так и писанном¹.

Именно в нормах наследственного права раскрываются эволюция и те глубокие сдвиги, которые происходили в системе личных и общественных отношений супругов, и, особенно, в правах женщин².

Предмет нашего исследования – имущественно-правовой статус молдавских женщин, положение по отношению к собственности: как владели и пользовались имуществом (наследованным и приобретенным). В данном контексте важно отметить, что для реализации поставленных целей необходимо: во-пер-

¹ Лилия Заболонная, *Имели ли женщины право на развод в XV-XVII вв.?*, „Социальная история. Семья в раннее новое время”. Ежегодник, Центр социальной истории Института всеобщей истории РАН Междисциплинарный центр изучения истории, экономики и общества. Центр экономической истории Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт российской истории РАН, АЛЕТЕЙЯ, Санкт-Петербург, 2009, с. 9-23.

² Наталья Пушкарева, *Женщины Древней Руси*, Москва, 1989, с. 108.

вых, найти обоснование этим традициям и проследить эволюцию на протяжении практически трех столетий; во-вторых, проанализировать основные понятия и имущественные институты, тесно связанные с семейно-брачным правом и материального обеспечения женщин (наследование и завещания); в третьих, на основе анализа актовых и правовых источников (судебной практики эпохи) рассмотреть основы равенства имущественных прав женщины и мужчины в Молдове; в четвертых, на основе широкого круга источников дать сравнительный анализ основных тенденций развития права в европейских странах относительно законодательного закрепления имущественных прав женщин как гарантии их статуса в обществе.

При наследовании *ab intestat* в Валахии и Трансильвании соблюдался обычай, что дочери (и их наследники) устранялись из отцовского наследования, особенно это распространялась на недвижимое имущество, только наследники по мужской линии могли его наследовать. Другими словами, существовала и доминировала привилегия наследников мужского пола. Дочери удалялись от наследования недвижимости, по той причине, что они получали свою наследственную долю в движимом имуществе при получении приданного в замужестве (деньги, драгоценности, предметы домашнего обихода, скот и т.д.) и поэтому не могли претендовать на семейную недвижимость (поместья, усадьбы, дома и т.д.) ни при жизни, ни после смерти родителей. Но в случае, когда, в семье не было наследников мужчин, тогда дочери становились наследницами отчин и дедин.

В отличие от большинства европейских стран, где при заключении брака, приданное женщины переходило в право администрирования мужа, в румынских странах (княжествах), согласно концепции обычного права, женщины имели полновластное право на приданное. Они имели право самостоятельно им распоряжаться, продавать, менять, закладывать, иногда даже без позволения своего супруга³.

Анализ документального материала эпохи (XIV–XVII вв.), показывает, что в Молдове правовые нормы наследование движимого и недвижимого имущества, начиная с второй половины XIV, были равными для наследников обоих полов (сыновей и дочерей). В частности, в документе от 12 марта 1399, Штефан I (1394-1399)⁴ дает урик (господарская грамота на владение – Л.3.) Душкэй, „до-

³ George Fotino, *Studii asupra situației femeii în vechiul drept românesc*, в: *Pagini din istoria dreptului românesc. Antologie, introducere note și bibliografie de Gh. Cronț și S. Fotino*, București, 1972, с. 66.

⁴ „Штефан I, был старшим сыном молдавского господаря Романа I (1391-1394) от первого брака, возможно с некой литовкой из Подольских Кориатовичей, представителей династии Гедемин”, в: С. Rezachevici., *Cronologia critică a domnilor din Țara Românească și Moldova*. а. 1324-1881, vol. I., Secolele XIV-XVI, București, 2001, с. 460; М. Costăchescu, *Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*, vol. II, Iași, 1932, с. 612-614.

чери Тудора [...] и ее внукам, на 2 села [...] со всеми доходами”⁵. Из данного документа видим, во-первых, что урик подтверждается женщине, который давал в средние века право на наследование. Во-вторых, подчёркивается, чья она дочь (а не жена – Л.З.), означавшее происхождение собственности, вероятнее всего эти села происходили из ее приданного. Во-третьих, отмечается, что это право передается внукам, т.е. женщина на свое усмотрение завещает земли.

Такая правовая позиция отражается спустя века и в более поздних документах. Примером может служить документ от 11 февраля 1624г., в котором господарь Молдовы подтверждает княгине „Мэрике [...] право на отчину и дедину из половины села Блэжешть, которую она [...] имеет от отца Кристи, бывшего ворника [...] со всеми доходами на всегда”⁶.

О равных правах наследников мужской и женской линии свидетельствуют многочисленные документы, в которых подчеркивается, *согласно обычаям*. Особый интерес в данном контексте представляет документ от 9 октября 1651 года, в котором отражена ситуация, когда женщина сама оставляет наследство. „Великий логофет Георге Штефан и другие молдавские бояре свидетельствуют, что Тетя, дочь Мирона, никем не принуждаемая, делит свои отчины и дедины, села Строеишь, Неполакэуць, Малинць и Бэрбешть между своими детьми, одним сыном и четырьмя дочерьми, всем в равной доле”⁷.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что все документы могут быть объединены не только по содержанию, но и по форме. Практически, в каждом документе характерно подчеркивается происхождение владений женщины (отчина и дедина), т.е., что это ее наследственная собственность. Женщина самостоятельно просит у господаря подтверждения на собственность без согласия и присутствия супруга, а так же свободно ею распоряжается. Помимо этого, дети, независимо от пола, получают от матери равные доли.

Для того, что бы показать экономический и юридический статус женщин Молдовы, проследить эволюцию правового наследственного поля на протяжении веков, приведем примеры из второй половины XVII века. Наглядным примером может служить *извод* (книга записей, список, грамота – Л.З) от 1661 – 1665 гг., в котором отражен процесс имущественного раздела одной боярской семьи: братья и сестры Мургулец делят между собой поровну недвижимость, оставшуюся от родителей: „сестре Анице ¼ часть села Вэскэуць [...], Вацилию ¼ часть села Михалчу [...], Урсулуй ¼ часть села Лехэчень [...], Думитраки ¼ часть села Лихэчень [...], Николаю, Василию и Анице по ¼ села Лихэчень, а половина села

⁵ M. Costăchescu, *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*, vol. I, Iași, 1931, с. 20; *Documente privind istoria României*. A. Moldova, veac. XIV, XV, Vol. I (1384-1475), București, 1954, с. 4 (Далее: *DIRA, Moldova*).

⁶ *Documenta Romaniae Historica. A. Moldova*, volumul XVIII (1623-1625), volumul întocmit de I. Caproșu și V. Constantinov, București, 2006, с. 219-220 (168). (Далее: *DRH, Moldova*).

⁷ *Moldova în epoca feudalismului*, volumul IV (1641-1660), Chișinău, 1986, с. 235-236 (nr. 103). (Далее: *MEF*).

*Колеуць – Николаю, Марию и Урсулу*⁸. Таким образом, в документе показано, что в разделе имущества принимали участие 4 брата и 2 сестры, имущество делилось довольно строго равными частями, соответственно каждому выделялась часть из общего имущества. Немаловажным является и то, что не упоминается, кто и сколько получил от родителей при жизни, речь идет только об оставшихся, посмертных имения.

Другой документ, от 12 июля 1697, демонстрирует, как отец делит между детьми все имущество, при этом отмечая, что они уже получили в виде наделов и дорогих вещей: *„Мирон Стырча, в дияте (духовной грамоте – Л.З.) завещает своему сыну Гаврилашу и дочери Ангелине, по половине села Хэбэшеить [...], о селищче [...] только сыну Гаврилашу, потому что он не получил драгоценности и одежду. Дочь Мария и сын Тоадер, пусть держат на половину село Якобешт [...]. На жемчуг, купленный у госпожи Софии и золотое кольцо, печати, проданные Тоадером в Польшу, что бы Мария не претендовала [...]. Чурбешты на реке Прут [...] будет принадлежать всем. Хэбэшеить и Жюржештий оставлены тестем (тесть Мирона Стырчи, дедушка наследников по материнской линии – Л.З.) своей дочери, Ангелуше, но она не успела оставить дияту*⁹. Как видно, отец поделил имущество между детьми, сыновьями и дочерьми, не только поровну, но по справедливости. Что бы избежать в будущем конфликтной ситуации в семье, завещатель выделил доли и части из движимого и недвижимого имущества, данное уже в пользование и наследуемое после его смерти, Помимо этого, имущество своей жены он упомянул отдельно и подчеркнул, что ее духовной грамоты нет, т.е. даже не попытался его делить.

Условие равного раздела имущества между детьми независимо от пола, соблюдалось и в случае, если молдавские бояре были вынуждены покинуть страну и искать пристанище за границей. Примером может служить документ от 14 февраля 1676 года, выданный в Кракове польским королем одному молдавскому боярину, который просил оставить имущество детям, независимо от пола: *„Ян III Собеский, король Польши [...] инвестирует Манолаки Кондара [...] и его наследников по мужской и женской линии [...] за верную службу [...] и король подтверждает ему семейный герб*¹⁰. В данном документе показано как молдавский боярин, получив индегенат (польское гражданство), попросил у польского короля сохранить право оставить свое имущество наследникам по обеим линиям – мужской и женской. Индегенат предоставлялся иностранным гражданам, аристократического происхождения, которые имели те же права, что польские нобили. Они имели право покупать и владеть движимым и недвижимым имуществом в Польше, принимать участие в территориальных и генеральных

⁸ *Catalogul documentelor moldovenești din Direcția Arhivelor Centrale*, Supliment I (1403-1700), Catalogul a fost întocmit de M. Regleanu, D. Duca Titulescu, D. Ticulescu, M. Ciucă, G. Birceanu București, 1975, с. 255 (nr.789). (Далее: CDM).

⁹ CDM, Supliment I (1403-1700), с. 382 (nr.1050).

¹⁰ CDM, vol. IV, 1676-1700, Catalogul a fost întocmit de M. Regleanu, D. Duca Titulescu, V. Vasoiescu, C. Negulescu, București, 1970, с. 26 (nr. 14).

сеймах, быть судимыми только высшим трибуналом и т.д.¹¹. В изучаемый период, в Польше, преимущественное право наследования недвижимости, принадлежало мужчинам и переходило от отца к сыну. Но в случае, если не было в семье сыновей, то дочери тоже наследовали недвижимое имущество. Возможно, в данном случае, молдавский боярин, как отец сыновей и дочерей, хотел заранее обеспечить равный раздел имущества, как это практиковалось в Молдове.

В Валахии и Трансильвании юридический статус женщин в праве на наследование отличался от Молдовы. Документы эпохи иллюстративно показывают правовое поле женщин в семейно-имущественных отношениях. Представим в этом контексте некоторые выдержки из юридических документов данного периода: „Женщины не допускаются к гражданским и общественным обязанностям. Они не могут быть судьями, не могут принимать участие в публичном управлении и советах, не могут вмешиваться в чужие дела и быть попечителем чьего-либо имущества”¹². Из этого фрагмента можно заключить, раз женщины не могли опекать имущество (вероятнее всего недвижимое - Л.З.), то тем более не имели права владеть и наследовать им.

В одном из документов XIV века говорится о специальном указе короля, категорически запрещающий наследование женщинами земель, которыми владели государственные чиновники, занимавшие высокие должности при королевском дворе и получившие за свои административные и военные заслуги недвижимость от короля. К примеру, Штефан, епископ Загреба, не мог оставить женщинам свое состояние, согласно указу короля Венгрии от 26 февраля 1365 года: „[...] Людвик I, король Венгрии, доводит до вашего сведения, что не позволит [...] наследникам по женской линии иметь права на наследование имущества ни епископа, ни его брата Иоана”¹³. Этот королевский указ наглядно демонстрирует, как ограничивались имущественные и наследственные права женщин в изучаемый период.

О юридическом положении женщин свидетельствует и другой документ эпохи, *Tripartitum*: „Если возникает вопрос почему имущество и право на имения (*bona ac iura possessionaria*), полученные за службу, не переходят и к женщинам (*ius foemineum non sequantur*), отвечаем, потому что венгерское королевство, включая подчиненные части, расположено в середине и когтях врагов,

¹¹ Ilona Czamańska, *Rumuńska imigracja polityczna w Polsce XVII wieku*, Balcanica Posnensia, VI, UAM, Poznań, 1993, с. 5-22; Idem, *Characterul legăturilor lui Jan Zamoyski cu Movileștii*, Arhiva Genealogică, III (VIII), Iași, 1996, с. 307-313 ; Constantin Rezachevici, *Privilegii de indigenat polon acordate din țările române*, в: „Revista de Istorie”, XXVIII (1975), nr. 7, с. 1095-1098; Idem, *Indigenatul polon – o formă însemnată de integrare a nobilimii românești în cea europeană în Evul Mediu*, Arhiva Genealogică, III (VIII), 1996, 3-4, Iași, с. 205-217.

¹² Harmenopulos, *Hexabiblos*, с.1, tit. XIII, 1 (orig. grec.), в: *Crestomație pentru studiul istoriei statului și dreptului RP Română*, vol. II, Feudalismul, Întocmită de Ștefan Pascu și Vladimir Hanga, București, 1958, с. 611 (Далее: CSISDR).

¹³ DRH. C. *Transilvania*, sub redacția Șt. Pascu, vol. XII (1361-1365), București, 1985, с. 402 (doc. Nr. 385).

и постоянно нуждается в защите и охране мечем и оружием, а наши предки добыли [...] владения и право на наследование (по обычаю), благодаря военному мастерству и пролитой крови [...]. Женщины и девушки, однако, не могут быть воинами с оружием в руках и не могут бороться с врагами, по этой причине имущество не принадлежит женщинам”¹⁴.

Tripartitum служит подтверждением и аргументом в пользу того, что женщины не имели прав на недвижимое имущество, особенно приобретенное „за службу”. Эта юридическая регламентация была унаследована из византийского права, согласно которому наследниками отца были только сыновья, но не дочери. Истоки этого социально-имущественного неравенства уходят в античный мир. Греки различали два вида богатств: 1. *видимое* (дом, земля) и 2. *Невидимое* (деньги, драгоценности). **Мужчина являлся гражданином, членом политического сообщества, символизировал стабильность – землю. Женщина олицетворяла непостоянство, значит деньги.** Отец давал приданное от 5% до 25% от своего состояния. И хотя женщина являлась владелицей приданного, пользоваться она им не могла¹⁵. Возможно, отсюда женская наследственная доля во многих европейских законниках составляла $\frac{1}{4}$ от всего имущества.

Все же, если не было наследников по мужской линии, женщины допускались к наследованию. В Валахии и Трансильвании, согласно обычному праву, женщины могли стать полноправными наследницами на основании *praefectio*, т.е. так называемый *перевод* дочери в сына. Девушки имели право на четверть недвижимого имущества, но не получали ее реально, а в виде компенсации, стоимость в денежном эквиваленте. Документ от 14 марта 1414 года показывает один судебный процесс „Ивашки с жалобой [...] в которой он предъявляет претензии на одну из частей имения, которая [...] была свадебным подарком супруги [...] Однако мы констатировали, что в дистрикте Марамуреш не может быть рассмотрена такая жалоба, так у нас принято дочерям давать в приданное не имения, а движимое имущество”¹⁶.

Более того, в *Tripartitum* подчеркивается, что женщины не способны администрировать имущество, потому что они „легкомысленные [...] девушки могут быть с легкостью соблазнены и слабо мыслят (*animi levitate*), поэтому не замужние (*in capillis exitentes*), <даже если они достигли возраста зрелости и совершеннолетия> не могут заниматься документами продажи на всегда (*fassio perhennalis*) или на какое-то время, так как погубят себя или своих наследников, или своих братьев”¹⁷. Помимо отсутствия прав на владение, в *Tripartitum* четко формулируется, что женщины не имели права на покупку

¹⁴ CSISDR, с. 621.

¹⁵ Пьер Брюле, *Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху*, Москва, Молодая гвардия, 2005, с. 135.

¹⁶ CSISDR, с. 640.

¹⁷ CSISDR, 622.

и продажу недвижимости, так как это может нанести серьезный урон семейной собственности.

Проблема относительно имущественных прав женщин в Валахии, имеет два направления в исторической и юридической литературе: часть исследователей придерживается мнения, что доминировал принцип мужского наследования, другие считают, что как и в Молдове, женщины так же владели правом собственности и могли наследовать¹⁸. Согласно мнению Шарлоты Солкан, „благодаря приданному и свадебным подаркам, девушка могла получить из семейного имущества свою часть естественным путем. Этот обычай встречается у румын Трансильвании и Марамуреша, где по не писанному праву, существовал принцип мужского наследования, что предполагало исключение женщин от наследования родительского имущества”¹⁹.

В историографии существует и третье мнение, которого придерживаемся мы²⁰. Как утверждает И.Д. Кондураки: „мне кажется совершенно необоснованным мнением тех, кто считает, что в нашем *обычном праве* существовало неравенство мужчин и женщин, и мужчины имели привилегии в наследовании. В обычном румынском праве не делалось никакого различия между братьями и сестрами при наследовании. Все принимали участие на равных правах. Документы прошлого убедительно свидетельствуют и подтверждают это. Мало того, некоторые документы акцентируют, что наследники обоих полов призваны к наследованию (*heredes utriusque sexus*)”²¹.

Этой же точки зрения придерживается и Ж. Фотино, который отмечал, что принцип равенства лежал в основе права не только Молдовы, но и Валахии, о чем говорят источники эпохи²². В документе от 15 апреля 1456 года, господарь Валахии подтверждает „*жупану Могош [...] с сыновьями и дочерьми [...] старые и законные вотчины*”. Аналогичным примером может служить грамота Моисе воеводы, румынского господаря, от 17 мая 1529 года, в которой он под-

¹⁸ I. Peretz, *Privilegiul masculinității*, в: *Pravilniceasca condica Ipsilanti și Caragea*, București, 1905; D.D. Mototolescu, *Privilegiul masculinității*, București, 1915; *Istoria dreptului românesc*, Responsabili de volum: VI. Hanga, L.P. Marcu, vol. I, Editura Academiei RSR, București, 1980, с. 519 (Далее: IDR); Alexandru I Gonța, *Femeia și drepturile ei la moștenire în Moldova, după „obiceiul pământului”*, в: *Studii de istorie medievală (texte selectate)*, Iași, 1998, с. 274.

¹⁹ Ș. Solcan, *Familia în secolul al XVII-lea în Țările Române*, Editura Universității din București, București, 1999; Idem, *Femeile din Moldova, Transilvania și Țara Românească în Evul Mediu*, București, 2005, с. 50.

²⁰ I.D. Condurachi, *Expunerea rezumată a teoriei moștenirilor în vechiul drept românesc*, București, 1919, с. 62-64; George Fotino, *Studii asupra situației femeii în vechiul drept românesc*, в: *Pagini din istoria dreptului românesc. Antologie, introducere note și bibliografie de Gh. Cronț și G. Fotino*, București, 1972, с. 57, 60-62.

²¹ I.D. Condurachi, *Expunerea rezumată a teoriei moștenirilor în vechiul drept românesc*, București, 1919, с. 66; I. Bogdan, *Documente lui Ștefan cel Mare*, vol.I, с. 180 (1473 год).

²² George Fotino, *Op.cit.*, с. 63.

тверждал боярину „*Banei ego сыновьям и дочерям [...] часть села Бэлэрие [...] старые отчины и дедины*”²³.

Равенство *consuetudinară* между детьми обоих полов было отражено и в письменном законодательстве. К примеру, в румынском своде законов, *Indreptarea Legii (1652)* Матая Басараба, в главе 273, озаглавленной „*Для оценки наследников и для деда, который переживет сына и для внуков, если они будут его наследовать?*” было написано: „*Дети, будь то по мужской линии, или по женской [...] наследуют от своих родителей, и от матери; однако, ни дед, ни дяди по отцу, не могут наследовать ничего от их покойного отца, только его дети наследники*”²⁴.

Из этого фрагмента можно заключить, что в румынском законодательстве, вопрос наследования был прописан довольно ясно и четко: дети, независимо от пола, наследовали от обоих своих родителей, отца и матери, и никто из близких родственников не имел никаких прав на это имущество. Семья имела право на наследование и добивалась этого только в случае, если умерший (или умершая) не имели детей родных или усыновленных

Наглядным примером, в данном контексте, может служить история дочерей румынского господара Раду Щербана (1602 – 1610; 1611), которые стали наследницами после его смерти. Румынский историк Константин Резачевич уделил этому вопросу отдельное, детальное исследование²⁵.

В духовной грамоте Раду Щербана от 28 февраля 1620 (Вена), написано, что его мать, Мария, завещала все свое наследство внукам, Анке и Елине. Сам он так же оставляет свое имущества дочерям и супруге: „*оставляю все свои имения Анке и Елине – которых мне послал Бог от венчанного брака [...] Но пока жива жена моя [...] пусть она кормится с них*”²⁶. Как видно, свой боярский домен Раду Щербан оставляет своей супруге и двум дочерям, которые были фактически совладелицами всего недвижимого имущества. После смерти старшей сестры, Анкуцы, Елинка вместе со своими 6 сыновьями становится владелицей всех доменов, которые подтвердил Раду Леон (1664-1669)²⁷.

Выше мы отмечали, что мать Раду Щербана оставила свое имущество не сыну, а внукам. Интересно, что внучка, Елинка, после того, как один из ее сыновей стал господаром, изменила свое завещание и его долю переписала на внучек как приданное. На наш взгляд, история родственных связей, завещания земельных имений среди членов семьи Щербан отражает каковы были формы

²³ I. Bogdan, *Documente lui Ștefan cel Mare*, vol. I, c. 26 (1458 год); vol. II, c. 248; *Uricarul*, vol. X, c. 99; vol. XI, c. 227; vol. XIV, c. 22, vol. XVIII, c. 49; Ghibănescu, *Surete și Izvoade*, vol. IV/I, c. 3-4, 10-11.

²⁴ *Îndreptarea Legii (1652)*, Ediția întocmită de Colectivul de Drept Vechi Românesc, condus de Andrei Rădulescu, București, 1962, c. 270 (Далее: *ÎL*).

²⁵ C. Rezachevici, *Domeniul boieresc al lui Radu Șerban*, в: *Studii. Revista de Istorie*, tomul 23, nr. 3, 1970, c. 469- 487.

²⁶ Ion Bianu, *Documente românești*, Partea I, București, 1907, c. 52-53 (nr.60).

²⁷ C. Rezachevici, *Domeniul boieresc al lui Radu Șerban*, c. 484.

и механизмы наследования женщин в середине XVII века, а так же демонстрирует их статус в семье и обществе.

Характеризуя в целом боярский домен Раду Щербана, необходимо подчеркнуть, в основном он был сформирован из земель, унаследованных по женской линии, часть от матери, которая происходила из богатейшего рода Крайовеску, а часть из земель супруги, „внучка умершего Удриште [...] правнучка господаря Раду де ла Афумац, наследовав многочисленные села”²⁸.

Неудивительно, почему в своем тестamente, в 1620 году, Раду Щербан подчеркивает происхождение недвижимости – от бабушки и матери. Таким же образом поступила его дочь Елинка, выделив в своем завещании, что она наследовала от бабушки и матери. Обобщая кратко вышеизложенное, выделим несколько важных моментов: домен Раду Щербана был сформирован из земель, унаследованных от бабушки и матери и привнесённых в виде приданного женой. В свою очередь, он оставляет свои земли супруге и дочерям. После смерти старшей дочери Анки и ее дочери, владения переходят к младшей сестре, Елине Кантакузино, которая стала полновластной владелицей всего недвижимого имущества родителей и сестры.

Таким образом, благодаря браку с Елиной, муж Константин Кантакузино, наращивает свое состояние, „став крупнейшим землевладельцем страны и входит в влиятельнейшую господарскую семью Басарабилор”²⁹. Постельник Константин Кантакузино признавал, что в его богатствах и политической карьере значительную роль сыграла его жена, принеся в семью большое приданое и широкие авторитетные связи в высших кругах.

Для того, чтобы глубже понять некоторые аспекты из семейно-правовых отношений и прав женщин на наследование недвижимости мы прибегли к компаративному исследованию с соседними государствами. На наш взгляд, именно сравнительная история наглядно демонстрирует общее и особенное в изучении правового поля женщин и ее социального статуса, а так же позволяет выявить специфические особенности каждой страны на фоне универсальных закономерностей. Право женщин на недвижимость было известно и распространено в различных юридических формах, поэтому важно проследить как механизмы наследования женщин проявлялись и применялись на основе писанного и не писанного права в других странах.

Характеризуя зарубежную историографию по данной проблематике, необходимо отметить, что работы литовских исследователей занимают отдельное место, так как имущественно-правовое положение литовской женщины в семье и обществе наиболее схоже с молдавскими. Литовские Статуты трактуют женщину и все ее права и обязанности исходя из традиционного патриархального взгляда. Однако, огромное количество источников, с другой стороны, свидетельствуют о независимости и небывалой свободе литовских шляхтянок

²⁸ С. Rezachevici, *Op.cit.*, с. 471.

²⁹ С. Rezachevici, *Op.cit.*, с. 471-472.

в XVI- XVII веках, их высокой социальной активности. Законодательство эпохи защищало имущественные и наследственные права девушек и женщин – приданного, вена (*weno*) (собственности, равной двойной собственности приданного и отписываемой шляхтичем будущей супруге).

Особое внимание заслуживают работы о праве женщин на владение движимым и недвижимым имуществом согласно I, II и III Литовским статутам В.Андрюлис³⁰, С.Лазутка, И.Валиконите³¹, в которых рассматривается вопрос о праве на наследование, которое осуществлялось в свою очередь через право на приданное и *weno* (*weno*), одинаковый размер приданного для всех дочерей и порядок его выдачи. Отдельное внимание уделено вопросу семейного статуса женщины, составных частей приданного и вена, положению вдовы (вдовый столец, венована вдова, пустая вдова), и. т.д. Представляет интерес вывод авторов о приданном литовских девушек, которое включало в себя как движимое, так и недвижимое имущество.

В последние десятилетия появилась серия статей и монографических исследований по *женской тематике*, посвященные вопросам правового и имущественного положения литовок в средние века и новое время. В данном контексте, среди современных исследователей заслуживают внимания работы Jolanta Karpavičienė³² и Raimonda Ragauskienė³³, посвятившие свои научные изыскания

³⁰ V. Andriulis, *Lietuvos Statutų* (1529, 1566, 1588 m.) *šeimos teisė*, Vilnius, 2003; Ibidem, *Sutuoktinių turtinių santykių reguliavimas įkračio (weno) sutartimi 1588 m. Lietuvos Statute*, Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. Serija A, 1975, t. 3 (52), с. 31-49; Андрюлис В.И., *Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту 1588*, Автореферат кандидатской диссертации, Вильнюс, 1975.

³¹ Лазутка С., Валиконите И., *Имущественное положение женщины (матери, жены, дочери, сестры) привилегированного сословия по I Литовскому статуту*, Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai, Istorija, 1976, XVI (2), с. 75-89; Валиконите И., *I Литовский Статут – один из важнейших источников истории положения женщин в Великом Княжестве Литовском*, в: I Литовский Статут 1529 года, Материалы республиканской научной конференции, посвященной 450- летию Первого Статута, Вильнюс, 1982, с. 38-46.

³² J. Karpavičienė, *Vieno stereotipo istorija – LDK moters įvaizdis istoriografijoje*, в: *Feminizmas, visuomenė, kultūra*, 1999, nr. 1, с. 30–39; Ibidem, *A Vessel of Sins Full of Virtues: the Ideal Image of the Female in the Occasional Writings of the Grand Duchy of Lithuania in the Late 16th and Early 17th Centuries*, в: *Lithuanian Historical Studies*, nr. 6, 2001, с. 23–54; Ibidem, *Idealny model kobiety w literaturze okolicznościowej (na przykładzie "Krotkiego wypisania sprawy przy śmierci ...Halzbiety z Sztydlowca Radziwillowej" Cypriana Bazylika)*, в: *Radziwillowie: obrazy literackie, biografie, świadectwa historyczne*, Lublin, 2003, с. 61–68; Ibidem, *Стремься к идеалу: представление женских добродетелей в панегирической литературе Великого Княжества Литовского второй половины XVI – первой половины XVII. вв.*, в: *Український історичний збірник*, 2003, вип. 5, с. 93–107; Ibidem, *Inter sacrum et profanum: религиозность женщин в панегирической литературе Великого Княжества Литовского в XVI – XVII веках*, в: *Український історичний збірник*, Київ, 2005, вип. 8, с. 120-139; Ibidem, *Moteris Vilniuje ir Kaune XVI a. pirmojoje pusėje: gyvenimo sumiestinimo Lietuvoje atodangos*, Vilnius: Versus Aureus, 2005.

³³ R. Ragauskienė, A. Ragauskas, *Barboros Radvilaitės laišakai Žygimantui Augustui ir kitiems*, Vilnius: Vaga, 2001; R. Ragauskienė, *The Noblewoman's Court in the Sixteenth-century Grand Duchy of Lithuania*, Lithuanian Historical Studies, 2003, t. 8, с. 24-58; idem, *XVI a. LDK didikų patronatas*, Lituanistica, 2005, Nr. 2, с. 1-19; idem, *Lietuvos didikiosios kunigaikštienės Elenos (1476-1513 m.) patro-*

ментальности и частной жизни Литовского общества XVI-XVII веков, включая и женщин: имидж, социальный и общественный статус, женщина в правовом поле эпохи и т.д.

Характеризуя историографию по истории литовских женщин XVI-XVII веков, весьма показательными и значимыми являются работы белорусского исследователя Галины Дзербiной³⁴. На основе многостороннего анализа источников эпохи в комментариях к Статутам Великого Княжества Литовского (1529, 1566, 1588 гг.) автор проанализировала имущественные институты, тесно связанные с семейным правом материального обеспечения женщин (детей, опека, наследование) и отметила, что характерной чертой развития имущественных институтов брачно-семейного права является закреплением прав не только мужа, но и имущественного обеспечения женщин и всех членов семьи. На основе сравнительного анализа сделаны выводы о равных правах на наследование мужчин и женщин, что рассматривается как новый принцип отношений равенства женщины и мужчины, впервые закрепленный в законодательстве ВКЛ.

От краткого историографического обзора перейдем к конкретным примерам из литовских источников. В частности, свидетельства об относительных имущественных свободах женщин говорят некоторые положения из Литовских Статутов, которые являются уникальным юридическим и культурным памятником и позволяет осветить *женский вопрос* через призму правового и имущественно-экономического положения женщин в семье и обществе.

Согласно I Литовскому Статуту (01.01.1529) в III Разделе, § 9 говорится, что после смерти отца, право на наследование имели сыновья и дочери: „*Item post mortem patrum liberi masculi et femelae bonis paternis hereditariis priuari non*

natas, в: *Lietuvos didysis kunigaištis Aleksandras ir jo epocha*, sud. D. Steponavičienė, Vilnius, 2007, с. 109-130; idem, *XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterys: istoriografinis ir praktinis požiūris*, в: *Moterys. Darbas. Šeima: lyčių vaidmenys užimtumo sferoje: sociokultūrinis aspektas*, Vilnius, 2008, с. 146-164; idem, *XVI a. didikų Radvilų lenkų kilmės žmonos*, Istorija, 2012, nr. 87, с. 3-15.

³⁴ Г.В. Дзербiна, *Тэндэнцыі Адраджэння ў сярэднявечным праве Беларусі*, в: Весті АН БССР, Сер. Гр. навук, 1987, № 1, Мінск: “Наука и техника”, с. 23-30; *Статут Вялікага Княства Літоўскага. Тэксты. Даведнік. Каментарыі*. Навуковае выданне. Беларус. Сав. Энцикл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін і інш. - Мінск. - 1989, в: Дзербiна Г.В. “Апека”, с. 458; “Вена”, с. 468; “Кроўныя”, с. 495; “Лета зупольныя”, с. 497; “Пасар”, с. 513; “Родзічы”, с. 521; “Спадчына”, с. 527; “Сямейнае права”, с. 535; “Удава”, с. 537; Ibidem, *Некаторыя аспекты развіцця юрысдыкцыі царквы ў Вялікім Княстве Літоўскім*, в: Матер. міжд. научн. конф. “Царква і культура Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – XX стст.”, Гродно: НПК “Пергамент”. 1992, с. 118-122; Ibidem, *Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнесансу*. Навуковае выданне. “Тэхналогія”. Мінск, 1997 (175с.); Ibidem, *Крыніцы магдэбургскага права у Вялікім Княстве Літоўскім XVI ст.*, в: *Магдэбургскае права на Беларусі: Матэрыялы навуковай канферэнцыі. прысвечана 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права*, Мінск: Право и экономика, 1999, с. 14-21; Ibidem, *Статуты Вялікага Княства Літоўскага і прававая культура Рэнесансу*, в: *Беларусь у дыялогу цывілізацый*: Навук. збор. Рэдкал.: А. Мальдзіс і інш. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002, с. 127-138; Ibidem, *Брачно-сямейныя адношэння і статус жэнцін на беларускіх землях по законодательству XVI в.*, в: *Женщины на краю Европы*. Под ред. Е. Гаповой, Минск: ЕГУ- 2003, с. 24-32; Ibidem, *The marriage and family relations by the legislation of the Grand Duchy of Lithuania in the XVth. Century*, в: FACTORUL FEMININ ÎN ISTORIE, AŞM-USM, Chişinău, 2012, с. 188-197.

*debebunt, sed ea cum eorum successoribus legitime*³⁵. В IV Разделе, § 7, „*О поглаве женской и о выправу девок*” детально, в процентном отношении указывалось доля наследства, которую имели дочери: „*после смерти отца или матери [...] дочь наследует 1/4 из имущества*”³⁶.

Эта правовая позиция женщин была вновь подтверждена и, таким образом, закреплена II (1566) и III (1588) Литовскими Статутами. Обращает внимание и то, что в последнем III Статуте, в IV разделе, § 17, формулировка написана аналогично как в I Статуте: „*после смерти отцов и матерей дети их, сыновья и дочери от отцовских и материнских имуществ не должны быть отдалены, но они сами и их наследники собственные, кровные родственники и близкие правом природным и правильно приобретенным, обычаем древним и также статутом первым и нынешним должны овладеть и получить те имущества и к своей выгоде использовать на вечные времена*”³⁷.

Однако, этот вопрос довольно неоднозначный. По мнению Р. Рагаускене, в практике, особенно в семьях именитых вельмож, крупных землевладельцев, пытались придержать земли, не раздавать дочерям, а отдавать их во владение только сыновьям. Примером может служить документ от 1586 года, в котором говорится о том, как сыновья Миколая Радзивилла Черного основали первую ординацию в Республике. Согласно этому соглашению, имения в их семье могли унаследовать только представители мужского пола, старший сын. Если не было наследника по мужской линии в семье, то наследовали ближайшие родственники. Таким образом сформировалась Несвижская ординация, принадлежащая к роду Радзивиллу Сиротке³⁸.

Интересно, что право женщин на наследование недвижимости известно и до принятия законодательных актов в Литве и Руси, особенно это было распространено в высших социальных слоях общества. Если в семье не было наследников по мужской линии, то все наследство передавалось дочерям. Наглядным примером может служить сын Гедмина (Gedyminas 1275 - † 1341) великий князь литовский Ольгьерд (Alighirdas 1296 - † 1377), который женился на дочери полоцкого князя, единственной наследницы, получившей в качестве приданного город Витебск и который, таким образом был прикреплен к Великому

³⁵ *Statutas. Didžiosios Lietuvos Kunigaikštijos 1529 Metų. Vertė jonė deveikė vertimą spaudai parengė įžangą ir žodynelį parašė bei bibliografiją sudarė Aleksandras Plateris, Chicago, 1971, с. 55-59; Законодательные акты Великого Княжества Литовского XV-XVI вв., Сборник материалов подготовлен к печати И.И. Яковкиным, Ленинград, 1936, с. 79.*

³⁶ *Statutas. Didžiosios Lietuvos Kunigaikštijos 1529 Metų, с. 55-59; С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс, Первый Литовский Статут (1529), Академический текст, Издательство Марги Раштай, Вильнюс, 2004, с. 168.*

³⁷ *Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі, Мінск, Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, Імя Пятруся Броўкі, 1989, с. 367.*

³⁸ Р. Рагаускене, Радзивілі у Литві, *Князі Радзивілі*, ред. Ю. В. Ференцева, коорд. А. Бумблаускас, Г. Кіркеня, Київ, 2012, с. 224-225.

Княжестве Литовскому: „и Витебск достался Ольгерду в приданья” князь Полоцкий взял его к дочери своей на свое государство”³⁹.

Эта информация подтверждается и другими, более поздними источниками. Известный летописец XVII века, Феодосий Софронович в своей работе, „Хроніка з літописцев стародавніх,” так же подчеркивает, что Ольгерд получил Витебск в качестве приданного жены: „Ольгерд [...] взявши дочку Юлиану, събе на жону, окрестился в русскую веру, и взял по ней себе посаг княжение Витебское”⁴⁰.

О праве литовских женщин на собственность, движимую и не движимую, говорит многочисленный актовый материал эпохи, особенно, судебные процессы, документы купли-продажи и обмена недвижимости.

В документе от 28 февраля 1488 года, рассматривается случай восстановления в правах и возвращения собственности. Дочь подает в суд, обвиняя их в том, что они отобрали у нее усадьбу и мельницу, оставленную ей отцом. Мать и отчим отказываются дать ей ее собственность, мотивируя, что есть еще одна дочь от второго брака, которую необходимо содержать и наделить приданным. Решение суда, под главенством короля, заключило, что усадьба и мельница принадлежат по праву дочери, как наследнице своего родного отца, а мать, после вступления во второй брак, более не имеет права на собственность от покойного супруга. Только дочь имеет право на наследование, как наследница „законной отчины и дедины”⁴¹. Мать и отчим имеют только право на проживание возле дочери (рожденной в первом браке), а дочь, от второго брака должна содержаться и наделяться приданным только своим отцом. Таким образом, дочь выиграла судебный процесс против матери и отчима и решением суда была восстановлена в своих наследственных правах.

Особый интерес представляет документ, который свидетельствует о том, что мать оставляет часть имений только дочери, подчеркивая, что они были получены первым мужем от короля, а он оставил земли ей. Женщина подчеркивает, что имения от первого супруга не являются частью наследованной от отца (*otcizna*) или от матери (*materizna*), поэтому другие дети, „сестры и братья не могут вмешиваться”, не имеют никакого права на эти земли. Помимо этого, подчеркивается, по-видимому, что бы обезопасить свою дочь в будущем от судебных раз-

³⁹ Предословие о великих князях Литовских, откуда они пошли. А се о них писание предложим (печается по рук. 16в.). Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею, Том семнадцатый, Санкт – Петербург, типография М.А. Александрова, 1907, с. 605-606; Эдвардас Гудавичюс, Альгирдас Матулявичюс, *Альгирдас, in Великие князья литовские (XIII-XVIII)*, Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, Vilnius, 2006, с. 60-66.

⁴⁰ Феодосій Софронович, *Хроніка з літописцев стародавніх*, Под редакцией Ю.А. Мицика, Київ, Наукова Думка, 1992, с. 177-178.

⁴¹ *Литовская Метрика. Отдел первый. Часть первая: книга записей. Том первый*, Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссиею, том 27, Санкт-Петербург, 1910, с. 419-429 (№105).

бирательств, что она дает эти земли дочери и ее наследникам, „даю пане Ядвиге [...] ее детям [...] со всеми правами (sic! – Л.З.)”⁴².

Таким образом, из этого документа можно увидеть больше деталей о праве женщин на собственность, о праве быть наследницей и наследовать. В первую очередь, подчёркивается, что имения унаследованы от первого мужа, который, в свою очередь, получил их от короля (за особые заслуги – Л.З.), а она, в качестве вдовы, получила королевское подтверждение на их владение. Во-вторых, при разделе имущества между детьми от двух браков, она выделяет имущество первого супруга (1) из своего общего, на тот момент, и подчеркивает, что это пожалованные королем земли (2). В-третьих, она могла эти пожалованные имения оставить кому-либо из сыновей (3), но оставляет дочери от первого брака и ее наследникам (4), оградив ее от семейных разделов в настоящем и будущем (5).

Наследственно-правовое положение женщин в Сербии нашло отражение в *Законнике Стефана Душана* (1349 и 1354). В статье 44 говорится о том, что баштина не могла отдаваться в приданное: „И отроке що имаю властеле, да имь соу оу бащиноу, и нихь дъце оу бащиноу вьчьноу, нь отрокъ оу прикию да се не даіе никьда”⁴³.

Возможно, что эти ограничения женщин в наследственном праве недвижимости имели целью не дробить и не расплыть семейную собственность. Однако, в статье 48 находим формулировку, которая позволяла дочерям наследовать, когда не было наследников по мужской линии: „Кьда оумре властелинь, конь добрій и оуружіе да се даіе цароу; а свита велиіа бисерна и злати поіась, да има сынъ его и да моу царь не оузме; ако ли не оузима сына, нь има дъщерь, да ієсть тьмь-зи вольна дьци или продати или отдати свободно”⁴⁴.

Исследуя правовое положение и статут балканских женщин, считаем необходимым привести примеры из некоторых менее известных источников более позднего хронологического периода, выходящего за рамки нашей эпохи. Но, на наш взгляд, источники такого характера, в ретроспективном плане, отражают традиции предыдущих веков, укоренившиеся в обычаях и традициях, демонстрирующих быт и нравы народа в контексте общеевропейской цивилизации. Таким примером может служить *Первый Свод Законов*, принятого в Черногории Петром I в 1798⁴⁵, так эта страна является моделью глубоких и консервативных патриархальных традиций. Не менее важным является и тот факт, что женщины Черногории, в целом имея довольно ограниченные права в семье и низкий об-

⁴² Литовская Метрика. Отдел первый. Часть первая: книга записей. Том первый, с. 819-821 (№ 243).

⁴³ *Statuty cara Stefana Duszana z lat 1349 i 1354. Materjaly do ćwicieñ seminaryjnych z historii prawodawstw słowiańskich*, dr. Stanisław Borowski, Prace Seminarjum Dawnego Polskiego Prawa Sądownego i Historji Ustroju Dawnej Polski Uniwersitetu Warszawskiego, nr.5, Warszawa, 1934, с. 26.

⁴⁴ *Statuty cara Stefana Duszana*, с. 27.

⁴⁵ Barbara Jelavich, *Istoria Balcanilor. Secolele al XVIII și al XIX-lea*, Traducerea de Mihai-Eugen Avădanei, Volumul I, Institutul European, Iași, 2000, с. 224.

щественный статус, имели равные имущественные права с мужчинами, особенно в сфере наследования.

Содержательную и аргументированную информацию об этом мы находим в нескольких статьях *Первого Свода Законов*: „Art. 53. Если мужчина не имеет наследников сыновей, только дочерей, тогда его владения и его предшественников переходят к дочерям [...] Art. 55. Если остается только дочь, то она наследует у родителей все движимое и недвижимое имущество”⁴⁶. Как видно, из представленных статей, что наследниками недвижимости являются только мужчины. Статьи *Законника* довольно четко формулируют, что женщины имеют равные права на наследования и эта правовая позиция защищена не только обычаем, но и законом.

В других европейских странах имущественно-правовое положение женщин было отличным. Особенно в средневековый период, женщины не имели гарантированных прав на наследование недвижимости. В XII веке, в Англии, женщины не имели право наследовать, покупать и продавать недвижимость, самостоятельно администрировать свое приданное, заключать имущественные контракты, составлять тестаменты и т.д. без присутствия мужа. Только вдовы имели право владеть недвижимостью⁴⁷. Это была возможность и форма владения для женщин.

Однако, европейское законодательство, которое характеризовалось разнообразием государственных и даже региональных особенностей, предусматривало различные формы, позволявшие женщинам владеть и распоряжаться недвижимостью. К примеру, в английском законодательстве оговаривалось, что муж не имел права производить имущественные транзакции без разрешения супруги⁴⁸. Такая же ситуация была характерна и России до XVIII века. В средневековой Руси, право женщин на недвижимость находило отражение в получении приданного. В *Русская правда* было предусмотрено, что дочери могли наследовать недвижимость, но только в случае, если в семье не было сыновей. Если были сыновья, тогда дочери не имели никакого шанса на получение имений, даже частично⁴⁹. Согласно исследованиям известного медиевиста М. Ф. Владимирского

⁴⁶ Czarnagóra. *Pod względem geograficznym, statystycznym i historycznym*, Lwów, Z drukarni E. Winařa, 1869, с. 110.

⁴⁷ Лорина П. Репина, *Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого*. Очерки. Хрестоматия, Москва, РОССПЭН, 2002, с. 74-81.

⁴⁸ Лорина П. Репина, *Op. cit.*, с. 74.

⁴⁹ Н. Л. Пушкарева, *Имущественные права женщин на Руси X — XV вв.*, в: Исторические записки, Вып. 114, Москва, „Наука“, 1986, с. 216-226; та же, *Женщина в древнерусской семье (X-XV вв.)*, в: Советская этнография. 1988, N 4, с. 87-98; та же, *Зарубежная историография о социальном положении женщины в Древней Руси*, в: Вопросы истории, 1988. N 4, с. 140-150; та же, *Was the XVth a Turning Point?*, в: La donna nell' economia. Sec. XIII - XVIII. XXI settimana di studi instituto internazionale di storia economia, Prato, 1989, с. 70-74 ; та же, *The Russian Woman and Her Property and Legal Status*, в: Atti instituto internazionale di Storia economia «Fr. Datini», Prato-Florenz, 1990, V. 21, с. 2. P. 241-254; та же, *Widowhood as a Part of Life Course*, в: XVII Congreso International de Ciencias Historicas. Summaries of Reports, V. 2, Appendix, Madrid,

– Буданова, в период 1562-1628, ни одна дочь не наследовала имущества родителей, даже тогда, когда у них не было братьев⁵⁰.

Этот тезис вызывает удивление, так как изучая законодательные акты эпохи, мы обнаружили документ (декрет от 30 июня 1611 года) „Приговор 3-С Первого Ополчения”, в котором говорится: „Ст. 7. А которые дворяне и дети боярские померли и побиты, а после их остались жены и сыновья, и у тех вдов и у сыновей поместей не отымати; а у которых остались жены с дочерьми, а сыновей нет, и тем вдовам давати поместья с дочерьми на прожиток по уложению, примеряясь к прежнему, как преж сего вдовам с дочерьми на прожиток давано”⁵¹. Особенно обращает внимание в документе положение, в котором подчеркивается статус вдов, у которых остались только дочери – они могли жить с дочерьми на землях, оставшихся от погибших мужей. Ничего не говорится об опекунах над ними. Таким образом, это декрет позволял одну из форм владения землей для женщин. Помимо этого, на наш взгляд, можно найти общие черты с западноевропейскими женщинами, вдовство позволяло женщинам администрировать и наследовать недвижимость.

В 1649 году в России был принят первый систематизированный свод законов *Соборное Уложение*, в котором было законодательно закреплено право наследования семейных доменов и земель, приобретенных за заслуги. В первую очередь, наследниками были сыновья, а дочери получали только часть, на содержание. Если в семье были сыновья, то дочери не имели права на имущества. В случае „если сыновей не было, тогда дочери наследовали; если братья умира-

1990; та же, *Women of Ancient Russia*, в: Soviet books: New Titles, Plans, Offers. Frankfurt, 1990; та же, *Women in the Medieval Russian Family from the 10th through 15th Centuries*, в: *Russia's Women: Accomodation, Resistance, Transformation*, 1991, с. 29–44; та же, *Women in the Ancient Russian Family Structure*, в: *Soviet Antropology and Archeology*, 1991, N 3, V. 29, с. 57–73 ; та же, *Balanceakt fur Frauen im Ost und West (Podiumsgeschprach «Frauen zwischen Wissenschaft und Familie im Ost und West)*, в: UniZurich. Zurich, 1992, N 1, с. 38–39; та же, *Customs and Morals of Early Russia*, в: *Midwest Slavic and National Hilandar Conference. May, 1–2, 1992*, Columbus (Ohio), 1992; та же, *The Women in the Ancient Russian Family (Problems of New Discussion)*, в: *Russian Traditional Culture: Religion, Gender, and Customary Law*. Ed. M.M.Balzer. New York/London, 1992, с. 105–122; та же, *The Ideal Image of a Spouse and its Evolution in Medieval Rus' and Early Modern Russia (from the 12th until the 17th c.)*, в: Bessmertnyj L., Oexle O. (eds.) *Das Individuum und die Seinen. Individualität in der okzidentalen und in der russischen Kultur in Mittelalter und früher Neuzeit*, Göttingen, 2001, с. 93-107; та же, *Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century*, Armonk: M.E. Sharpe, 1997; та же, *Women in Medieval Novgorod from 11th to the 15th c.*, в: *Soviet Studies in History*. 1985, V. 23, (4), с. 71–90; та же, *Женская и гендерная история: прошлое и будущее научного направления в России*, в: *Как мы пишем историю? / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова [пер. с франц. Е. И. Балаховской, Е. В. Дворниченко, Л. А. Пименовой]*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013, с. 300-335; Мишель Ламарш Маррезе, *Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700-1861)*, Новое литературное обозрение, Москва, 2009, с. 33-35. (Michelle Lamarche Marrese, *A Woman's Kingdom: noblewomen and the control of property in Russia, 1700-1861*, Ithaca London, Cornell University Press, 2002, с. 33-35).

⁵⁰ М.Ф. Владимирский - Буданов, *Обзор истории русского права*, СПб, 1909, с. 480-481; 496.

⁵¹ *Российское Законодательство X-XX веков. Акты Земских Соборов*, том 3, Ответственный редактор тома д.и.н. АГ. Маньков, Москва, 1985, с. 44-45.

ли, то только тогда сестры наследовали их имена”⁵². Интересно, в своде подчеркивалось, что на имения, доставшиеся женщинам, могли быть наследованы своим детям⁵³. Привилегия мужчин при наследовании недвижимости вошла в *Соборное Уложение из Русской Правды*.

В заключении, хотелось бы отметить, что в средние века, преимущественно преобладало право мужчин на наследование недвижимостью. Но, в то же время, существовали различные правовые формы, позволявшие женщинам владеть недвижимостью, в некоторых случаях даже на равных. Это мнение мы попытались аргументировать на основе разнообразного и многочисленного источниковедческого и актового материала эпохи. В изучаемый период, наследственное право значительно определяло юридический и общественный статус женщины, их экономическую независимость и социальную активность. При том, что в Европе существовали различные формы и модели наследственного права, в большинстве случаев женщин ограничивали в имущественно-наследственных правах, особенно, в отношении недвижимости, не позволялось администрирование, купля-продажи земель и т.д. Чаще всего в законодательстве подчеркивалось, что женщины имеют право на $\frac{1}{4}$ часть недвижимости. При заключении брака, семья выделяла женщинам приданное в виде движимого имущества (деньги, драгоценности, меха, предметы быта, скот и т.д.), этим мотивировалось их ограничения в получении недвижимого имущества. Вдовы имели особый статус в имущественно-правовых отношениях, становясь полноправными собственницами, но только до совершеннолетия сыновей.

В Молдове ситуация женщин значительно отличалась, так как они изначально имели равные права с мужчинами на наследования. Даже после получения приданного, молдавские женщины, наравне с братьями, принимали участие в разделе имущества, оставшегося от родителей (*синисфора*). Женщины Молдовы были полноправными собственниками своего движимого и недвижимого имущества, сами им распоряжались, продавали и покупали и т.д.

Характеризуя общее и особенное в имущественно-правовом положении, необходимо отметить, что часто преувеличивалась неправоеспособность женщин в других странах, на основе чего в исторической литературе укоренились определенные стереотипы. На самом деле, многие имущественные свободы для женщин были доступны и в других странах. Очень часто в европейских странах наблюдалось несоответствие и противоречие в правовом поле, и его реализации на практике. В частности, Литовские Статуты трактуют женщину и все ее права и обязанности исходя из традиционного патриархального взгляда. Однако, огромное количество источников, с другой стороны, свидетельствуют о независимости и небывалой свободе литовских шляхтянок в XVI- XVII веках, их высокой социальной активности. Основы равенства имущественных прав женщины и мужчины в Литве были законодательно закреплены в привилегиях, судеб-

⁵² *Российское Законодательство X-XX веков. Акты Земских Соборов*, с. 358.

⁵³ Там же, с. 358-359.

никах (1387, 1413, 1434, 1468, 1492) и Литовских Статутах (1529, 1566, 1588). В России – законы (Акты Земских Соборов (1611), Соборное Уложение 1649 года, Указ Петра I от 1714 года). В Молдове – обычное право, закрепленное в Правилах Василия Лупу (1646), в Валахии – обычное право, законник Матая Басараба (1652), в Сербии – Законник Стефана Душана (1349 и 1354), в Венгрии и Трансильвании *Tripartitum* (1514). Право на наследование земли было истоком “вольностей” женщин Молдовы и Литвы, особенно, вдов. Официально женщины не имели возможности принимать участия в политической жизни государства, но владея огромными земельными имениями, они получали определенный общественный вес. Юридические права подкрепляли имущественные права молдавских женщин привилегированного сословия, а вследствие своей экономической самостоятельности они располагали высококой социальной активностью и значительным авторитетом и влиянием в семье и обществе.

THE LAW OF SUCCESSION CONCERNING MOLDAVIAN WOMEN IN THE 14TH-17TH CENTURIES: A COMPARATIVE STUDY

Summary

The hereby article presents an analogous analysis of the patrimonial and inheritance legal status of Moldovan women, contrasted with their counterparts in the neighbouring countries, such as Lithuania, Romania, Transylvania, Russia, Serbia and Montenegro. In author's opinion, woman's patrimony served as a warranty for her legal and social status. Empowered by the autonomous possession and management of their assets, women attained some economic independence in the social sphere. A noteworthy matter is that, initially, Moldavian women had equal property and inheritance rights as men. In addition, even after they received their dowry, Moldavian women were entitled to the same rights and privileges as their brothers regarding the division of family assets (*sinisfora*). Moldavian women were the sole and righteous owners both of their movable and immovable property. They could administer it freely and were able to buy, sell, and transfer their estate without any constraints.

In the European countries, during the studied period (14th-17th centuries), male rights to the estate prevailed over female rights. Nonetheless, there existed multiple legal forms which allowed women to run their estates even on equal terms to men. Characterizing the differences and similarities in the status of women regarding the laws of succession, it should be observed that too much emphasis was placed on the legal inequality of women in different countries. In consequence, a stereotype was established in historical literature. In fact, females enjoyed numerous liberties which were available to them also in other countries. Frequently, in European countries, an inconsistency or even a contradiction between legislation and law enforcement could be observed. For instance, the keystone of the Lithuanian statutes considering women's rights and responsibilities was the patriarchal traditional view. Nevertheless, a great deal of historical sources have shown that the Lithuanian noblewomen enjoyed an unprecedented freedom in the social sphere, particularly, during the 16th and the 17th centuries. The gender equality regarding property rights was legitimately enshrined by the legal privileges (in 1387, 1413, 1434, 1468, 1492) and the

Lithuanian Statutes (in 1529, 1566, 1588). In Russia, one would find its (property rights equality) fundamentals in the so-called “zakoniki” (the Acts of the Zemsky Sobor (1611) and the Council’s Code of 1649, decree of Peter I of 1714).

In Moldova, the customary law was written in the code of laws of Vasile Lupu (1646), in Walachia in the code of Matei Basarab (1652), in Serbia in the “code of laws” of Stefan Dušan (1349 and 1354), in Hungary and Transylvania in “Tripartitum” in 1514. Officially, women could not participate in the political life of the state, yet, some of them, possessing large estates, were indeed influential.